

«Почему обезьяны не приобрели интеллектуальных способностей человека? Это можно приписать разным причинам, но так как все они предположительны и их относительная вероятность не может быть оценена, то бесполезно останавливаться на этом»

Происхождение видов

ОБЕЗЬЯНА

В РУССКОЙ МИРОВОЙ
КУЛЬТУРЕ

Донецк

23 декабря 2015 года

Донецкий национальный университет

Кафедра истории русской литературы
и теории словесности

ОБЕЗЬЯНА В РУССКОЙ И МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Материалы
международной застольной паранаучной
зодиакальной конференции

Донецк
23 декабря 2015 года

УДК 23.12
ББК 14.15
О-2016

Рекомендовано к печати (без протокола)

Редакционная коллегия:

А. Кораблев (отв. редактор),
Л. Квашина (отв. секретарь),
К. Першина

Рецензенты:

Ч. Дарвин, секретарь Лондонского геологического общества,
автор трактата «Происхождение видов»;

Ф. Энгельс, друг К. Маркса, автор статьи «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека»;

Р. Киплинг, писатель и поэт, автор «Книги джунглей»;

Т. Бёртон, режиссер фильма «Планета обезьян»

В РУССКОЙ И МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ: Материалы международной застольной паранаучной зодиакальной конференции. – Донецк, 2015. – 61 с.

В сборнике собраны застольные взгляды на облик обезьяны в теоретическом, историко-литературном, литературно-историческом, культурологическом, философском, эстетическом, этическом, саркастическом и лирическом ракурсах.

© Коллектив авторов, 2015

© Донецкий национальный университет, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

А. Кораблев 5
ТРИ ВЗГЛЯДА НА ОБЕЗЬЯНСТВО В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Л. Квашина 9
ПЕРВЫЙ ОБЕЗЬЯН РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В. Теркулов 14
ОБЕЗЬЯНА КАК РУССКИЙ ПЕРВОПОЭТ

М. Панчехина 18
ОБЕЗЬЯНА, КОТОРАЯ ПИЛА ЧЕРНИЛА

О. Купцова 23
«ВЫСОКОЕ ОБЕЗЬЯНСТВО»

И. Ревяков 41
ВОПРОС ОБ ОБЕЗЬЯНЕ

К. Тершина 45
ОБЕЗЬЯНИЙ ДЖАЗ, ИЛИ ОБЕЗЬЯНА КАК ХАОС И КОСМОС

С. Белоконь 51
О ЧЕМ ТОСКУЕТ ОБЕЗЬЯНА, ИЛИ ПОПЫТКА РЕАБИЛИТАЦИИ МАРТЫШКИ

И. Попова-Бондаренко 56
СТИШКИ ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
ИЗ ЦИКЛА «ДЕТКАМ НА ЗАМЕТКУ»

Е. Сокрута 58
ИЗ ПРОТОКОЛОВ ЭКСПЕРИМЕНТА
НОМО SAPIENS SAPIENS

О. Миннуллин 61
ГОД ОБЕЗЬЯНЫ

Обезьяна рождена под знаком воображения.
Она обладает оригинальным складом ума и предпочитает
полагаться только на собственные суждения.
Обезьяна начитанна, эрудированна,
имеет прекрасную память.

Ей нравится участвовать в дискуссиях.
Обезьяна умеет нравиться, и хотя часто ставит себя выше других
(в своем воображении), ее обаяние подкупает.
Обезьяна — оптимист. Имея хорошо развитый инстинкт
выживания, она способна выпутаться из самых
безвыходных ситуаций.

Из китайского гороскопа

А. Кораблев

ТРИ ВЗГЛЯДА НА ОБЕЗЬЯНСТВО В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

На первый взгляд, обезьян в русской литературе нет. Оно и понятно: мы же не Африка.

На второй взгляд, более пристальный и проницательный, все же можно их кое-где обнаружить: в баснях Крылова, где-то у Жуковского... Немного, но есть.

А на третий взгляд, более глубокий и вдумчивый, как не ахнуть: батюшки! да ведь вся классическая русская литература, в сущности, сплошное обезьянство! И самое интересное – ее подражательность проявляется не только в ее историческом эпигонстве, которое как бы понятно и простительно, но и в самые блистательные, вдохновенные, трансисторические моменты ее оригинальности, в самой ее самобытности, в ее диковинности и диковатости. Именно в эти моменты и открывается в ней то, что показывает язык и вертит хвостом.

Приехавший в столицу провинциал Гоголь, неподражаемый наш Николай Васильевич, изумился, видя такое непотребство. Потом, начитавшись разнообразных критики устав от их хлестаковщины и чичиковщины, он задается вопросом: «В чем же наконец существо русской поэзии?..» Обратим внимание: не сущность, а **существо**. И указывает на это существо: это – ОБЕЗЬЯНА.

Конечно, он указывает не пальцем, не прямо и не буквально, а намеками, лукаво, по-гоголевски. Но если читать эту статью так же глубоко, как она написана, тогда ее потаенный смысл станет очевиден.

На первый взгляд, это обычный обзор российской словесности за последние лет полтораста, каковых тогда было не так уж мало.

На второй взгляд, это развернутое доказательство, не оставляющее сомнений, что вся русская литература, едва освободившись от европейского эстетского ига, попала под африканский гнет своего же гения, слишком горячего для северных широт и слишком свободного для ортодоксальной империи, повторяя его в бесконечных и безуспешных попытках его не повторить.

Наконец, на третий взгляд, обращаясь уже непосредственно к самому существу и к его сущности, Гоголь подталкивает читателя к мысли, что великий Пушкин и есть эта таинственная и фатальная Обезьяна.

Надо сказать, что такая догадка высказывалась и ранее, но едва ли кому приходило в голову ее додумать – увидеть во внешнем сходстве нечто большее: некую печать судьбы, некое предначертание, которое будет проступать во всем, что он напишет и совершит.

Начнем с того, что «Обезьяна» – это лицейское прозвище Пушкина, о чем имеются свидетельства или пересказы С.Д. Комовского, М.Л. Яковлева, В.А. Соллогуба, С.Н. Карамзиной, а также его вольтерьянское, примеренное на себя самоопределение: «смесь обезьяны с тигром». Сохранился и его стихотворный автопортрет, исполненный тоже по-французски, где он так изображает себя: «Vrai singe par sa mine», т.е. «сухая обезьяна лицом» («Мой портрет», 1814). Африканец явно прикидывается французом, и в этом есть пророчество, хотя и слишком отдаленное, чтобы его уразуметь.

Позже Пушкина называли обезьяной недруги (например, Бугарин с Сенковским), а иногда, ссорясь, и друзья (например, Пестель с Муравьевым). Роковая последняя дуэль поэта также сопровождалась этим оскорблением.

Облик Пушкина, проступающий в образе обезьяны, можно разглядеть в стихотворениях И. Бунина («С обезьяной», 1907), Б. Пастернака («Цыгане», 1914), В. Ходасевича («Обезьяна», 1918-1919).

Но Гоголь потому и Гоголь, что смотрит в суть. И он видит, что внешность Пушкина не только не обманчива – что это самая суть пушкинского творчества: *обезьянство*, или, говоря более отвлеченно, *подражательность*, или, говоря ученым языком, *миметизм*, или, как говорят пушкинисты, *протеизм* – имея в виду античного бога Протея, принимавшего различные обличья и личины.

Уже с первой фразы своей знаменитой статьи Гоголь задает эту тему, говоря о подражательности русской поэзии, но затем, последовательно срывая маски, неуклонно ведет и приводит к апогею и апофеозу этого свойства – к главному всероссийскому имитатору и оборотню. Об уникальной пушкинской переимчивости он пишет как о существеннейшей черте поэта: «В Испании он испанец, с греком — грек, на Кавказе — вольный горец...» и т.д.

Об этом же, о «всемирной отзывчивости» Пушкина будет говорить и Достоевский, осмыслив это качество как существеннейшую черту русского характера, чему немало способствовали и русские литераторы, которые, находясь под пушкинским влиянием, продолжали подражать всем, кто попадал в их библиотеки: и европейским литераторам, и друг другу, и, конечно же, тому, в котором, как о нем писали, не было ничего своего, но было «наше все».

А спустя столетие с небольшим уже весь мир стал повсюду подражать всему и вся, причем настолько, что это стало главным свойством современной литературы, которое можно было бы так прямо и назвать – обезьянством, но называется разными отвлеченными научными названиями: интертекстуальность, пастиш, бриколаж – короче, полный постмодернизм.

Но Гоголь, наш проницательный и прозорливый Николай Васильевич, в той же статье предупреждал: «нельзя повторять Пушкина».

На первый взгляд, можно подумать, что Гоголь призывает подражать не Пушкину, а ему, Гоголю, тоже великому.

Может быть, мы так бы и подумали, но на второй взгляд, более глубокий и основательный, который проникает не только в джунгли пушкинской психологии, но и на самый отдаленный хутор гоголевской патологии, и там, на отшибе головы, приходит разумление, что, говоря о подражании, Гоголь говорит не о человеческих кумирах, он говорит о подражании сверхчеловеческому об-

разцу, к которому и сам был всецело устремлен, и всячески побуждал к этому своих друзей и знакомых, а в качестве методической инструкции настоятельно рекомендовал читать книгу Фомы Кемпийского «О подражании Христу».

Наконец, на третий взгляд, обращенный к самой сути и к самому существу, которое нагло кривляется сквозь невидимые миру кошмары, становится ясно, что дело не в объекте подражания, а в самом подражании. Великий Гоголь, он ведь так и написал: «Нет, не Пушкин и **никто другой** должен стать теперь в образец нам: другие уже времена пришли».

Для позднего, плачущего и пророчествующего Гоголя всякое подражание, пусть даже высоким, высшим и высочайшим образцам – это пародирование и профанация этих образцов, а значит, соблазн, грех, обезьянство. Недаром же врага рода человеческого называют «обезьяной Бога».

Дрожащей рукой Гоголь ниспровергает неколебимый нерукотворный памятник, воздвигнутый Пушкиным самому себе, предвосхищая перформанс, который совершат потом русские футуристы, сбрасывая Пушкина «с парохода современности». Это была такая же эпохальная и ритуальная акция, как и низвержение с киевских круч языческого идола Перуна.

Есть, несомненно есть некий сакральный и провиденциальный смысл в том, что имена «Перун» и «Пушкин», простите за такое сопоставление, не только созвучны, но и семантически близки – означивают власть, шум и атмосферу в русской культуре.

Правда, в таком случае и Гоголь, борющийся с литературным язычеством, оказывается тоже подражателем – повторяя дело князя Владимира, но попадая в сети князя мира сего. Стремящийся к новой словесности, которая бы происходила от Слова, которое было в начале, он все же не в силах изжить эстетический дарвинизм и превзойти демоническую власть человекоподобного тотема.

ПЕРВЫЙ ОБЕЗЬЯН РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Между дедом и отцом тотчас разгорался спор. Отец доказывал, что всё хорошее на земле — выдуманно, что выдумывать начали ещё обезьяны, от которых родился человек, — дед сердито шаркал палкой, вычерчивая на полу нули, и кричал скрипучим голосом: «И-иерунда...»

Максим Горький, «Жизнь Клима Самгина»

Обезьяна встала на задние конечности, а передними потянулась к прекрасному.

Андрей Кнышев

Пушкин, что и говорить, конечно, Козел, в восточном понимании, разумеется, но к Обезьянам был очень равнодушен. Настолько равнодушен, что на одной юной Обезьянке, в восточном понимании, разумеется, которая была выше его ростом и премило косила правым глазом, даже женился. Да что женился — жизнь положил за ее честь!

Обезьяний мир его не то чтобы притягивал, скорее, он ощущал глубокое внутреннее с ним родство. — Ничего себе мысль! — скажете. Это что же — по принципу тупиковой эволюции: «назад, парни, это ловушка»?! Кто знает, кто знает, но подумать над этим все же стоит.

Начнем с его самопредставлений. Вот, к примеру, резко очерченный поэтический автопортрет (в оригинале по-французски, но и подстрочник достаточно выразителен):

Мой рост с ростом самых долгоязыких
Не может ровняться;
У меня свежий цвет лица,
русые волосы
И кудрявая голова...
Суший бес в проказах,
Суцая обезьяна лицом,
Много, слишком много ветренности
Да, таков Пушкин. (*Mon Portrait*)

О чем-о чем, но об экзотической внешности Пушкина мы слышаны! «Зачем твой дивный карандаш, рисует мой арапский профиль?», – смеялся он над намерением известного художника Джорджа Доу написать его портрет. Доу с задачей, по всей видимости, не справился, тогда, взяв в руки перо, а не кисть, за дело принялся Вячеслав Ходасевич, и вот что из этого получилось: «Маленький, коренастый, мускулистый... – он очень был нехорош собой... Складом лица, повадкою и вертлявостью он многим напоминал обезьяну. Кажется, Грибоедов первый назвал его мартышкой...». Что ж, примем к сведению, но в скобках заметим: насчет «мартышки» Грибоедов явно погорячился. Портретная же галерея, или, что точнее, эпопея, на этом не закончилась. Некто Artem_dar, дизайнер из Казани, доверяя только цифровым технологиям, реконструировал образ поэта, и теперь у нас наконец есть шанс через время и расстояние созерцать его лик... если, конечно, цифровым технологиям можно доверять.

Но вернемся лучше к презентациям самого поэта. Вот как он отрекомендовал себя в протоколе лицейского праздника 1828 года: «Пушкин – француз», уточнив в скобках: «*смесь обезьяны с тигром*». Вот так альянс, – опять скажете вы, – похлеще Тимура с Амуром! Что касается тигриного характера Пушкина, – тут есть, конечно, о чем поговорить... Помните, у Ахмадулиной:

Ужасен, если оскорблен. Ревнив.
Рожден в Москве. Истоки крови – родом
Из чуждых пекл, где закипает Нил.
Пульс бешеный. Куда там нильским водам!
Гневить не следует: настигнет и уьбет.

Но всему свое астральное время! А вот насчет обезьяны... В лицейской аттестации речь уже идет явно не о внешности. Но что же такого обезьяньего ощущал в себе поэт?

Полубуйтесь на его автопортреты – кем только он не перебивал? чей только образ не примерил? – Монахи и поэты, арапы и турки, разные возрасты и разные полы (женщина), даже, как мы помним, животные! Что касается героев французской революции, тут не раздвоение, а «рас-трое-ние» личности: он и Робеспьер, и Дантон, и Марат.

Что-что, а рядиться поэт умел! Все приложить к себе – страсть юного Пушкина! Батюшкову в лице он так подражал, что «вырядился» в его костыли, хотя сроду ноги не травмировал. В «Бове» он в ряд выстроил достойнейших певцов, как бы присматриваясь, с кем можно поиграть и у кого можно что-нибудь «слямзить». Здесь и Гомер, и Вергилий, и Мильтон... Однако выбор, опять-таки, по чувству внутреннего родства, падает на несравненного Вольтера, которого он любовно называет «обезьяной из Саксонии» (I, 61).

Ну как тут не вспомнить дедушку Крылова:

Кто Обезьян видал, те знают,
Как жадно всё они перенимают.

В пушкинские времена обезьянство всячески приветствовалось, именовалось «традиционализмом». Обезьяничанье называли уважительно-культурно - *протеизм*! И именно Пушкина при жизни нарекли «русским Протеем»! Но чем, собственно, занимался почтенный Протей, сонный старец, который умел перевоплощаться до неузнаваемости, или, точнее, до полной узнаваемости. - Он был чемпионом по обезьяничанью! А Пушкин в этом деле был чемпион чемпионов! Это сразу зафиксировали:

Н. Гоголь: «Поди улови его характер как человека! В Испании он испанец, с греком - грек, на Кавказе - вольный горец!»; «заглянет к мужику в избу - он русский весь с головы до ног».

В. Белинский: он одарен «удивительною способностью принимать и отражать все возможные ощущения, он перепробовал все тоны, все лады, все аккорды нашего века».

Факт, что именно в этой миметической сверхспособности и кроется тайна его великой художественности, для современников был очевиден.

«*Ars simia naturae!*» - так учили древние: «Искусство - обезьяна природы!» Если это так, тогда Пушкин - главный Обезьян русской литературы!

И смешного, а тем более уничижительного, тут ничего нет! Ведь если взглянуть на проблему из глубин культуры, сразу становится очевидно, что обезьяна - это не вертихвостка какая-то, но очень значимый персонаж. В Древнем Египте ее изображение - это иероглиф письма, а значит, знания, мудрости и творчества. Так что

Пушкин «сухая обезьяна», и не только «лицом»! И если попытаться конкретизировать вид, то Грибоедова мы поправим: никакая он не мартышка, а самый что ни на есть павиан.

Вот тут-то, наконец, ниточки начинают сходиться в один клубочек. Пушкина, как известно, величают «родоначальником». Величать-то - величают, но почему - не объясняют. А мы этот клубочек и распутаем: Пушкин, как прозорливо разглядели современники, на самом-то деле никто иной, как Протей, а Протей (от *protos*) - это «первый», а «первый» - это тот, кто всему начальник. И что из этого? Как это закручено с обезьяньим иероглифом? Очень даже непосредственно. - С африканского континента, без каких-либо посредников, через «потомка негров безобразного» был поставлен в нашу когда-то заснеженную страну этот магический иероглиф во всей его чистоте и неиссякаемой творческой силе, закрепив раз и навсегда, что «*ars* - это *simia*», а Пушкин - родоначальник нашего словесного «*ars*» и самый главный «*simia*»!

ОБЕЗЬЯНА КАК РУССКИЙ ПЕРВОПОЭТ

1. Один знакомый профессор сказал мне (да и не только мне – всем, в общем-то, сказал), что неандертальцы называли себя русскими, потому что были русыми. Я даже не буду спрашивать, как он это узнал? Ну русский – и русский, ну русский – и русский. Чем черт не шутит: может, и правда, сидели по вечерам русые неандертальцы у самовара, любовались березками и называли друг друга гордым именем великороссов на чистом индоевропейском языке (или даже на ностратическом), который в этом случае просто необходимо считать русским, поскольку неандертальцы-то – русые и русские. А балованных детей они называли монголо-татарами или немцами, как бы предчувствуя, что и с монголо-татарами, и с немцами у них еще будут проблемы, правда, не одновременно, а последовательно...

2. Великое открытие «одного моего знакомого профессора» можно использовать в качестве стимула для развития теории антропогенеза в целом. Начнем с того, что если неандерталец был русским, то все предыдущие обезьяны были если не русскими, то хотя бы проторусскими, а в силу того, что Бог создал человека по образу и подобию своему, то и Бог наверняка был русским человеком.

3. Вы не ослышались, вернее, не «очитались». Я действительно помянул Бога. В связи с обезьяной. Напомню, что всяческие обезьяньи идеи происхождения человечества связывают с именем Дарвина, который будто бы утверждал, что человек произошел от примата. Я когда-то прочитал «Происхождение видов» из любопытства. Почти ничего не понял, кроме того, что по Дарвину человек не произошел от обезьяны, а имеет общего с ней предка. Иначе говоря, это был опыт: дать разным однопородным особям один и тот же инструмент развития, но в разном его воплощении, и посмотреть, что получится. Я не знаю, кто придумал этот эксперимент (правда, мы договорились, что это был Бог, но это не точно), но этот экспериментатор точно был русским. Потому что русские любят такие эксперименты.

4. Инструментом был язык. Поскольку «Бог был слово», и творил он этот мир словом. Например, как-то сказал «Да будет свет», и свет появился. Язык человека и обезьяны, которая, как известно, тоже может разговаривать, но только как-то по-своему, по-обезьяньи, различается степенью погруженности в мир. Обезьянье слово (или что там у нее?) номинативно – оно просто является слепком, жизненно важным отражением ситуации.

Обезьяна не размышляет о Шопенгауэре и не спорит об интертекстуальности и аллюзиях у Ф. Достоевского, как это делают, например, мои коллеги с кафедры истории русской литературы и теории словесности. Последнее, кстати, доказывает, что они хоть и русские, но отнюдь не обезьяны. Человек же, как, собственно, и Бог, творит словом реальность. И эта реальность самодостаточна. Я вот, например, не помню, сколько раз говорил «Я тебя люблю». Если бы я был обезьяной, каждый раз я говорил бы правду, ибо обезьяна врать не может: она обозначает то, что реально су-

ществует. Я же чаще всего не обозначал эту самую реальность, а творил ее в слове, и с внесловесной реальностью сказанное мной чаще всего не имело ничего общего. Отсюда вывод: я тоже не обезьяна.

5. Человек, например, может сказать: «Завтра я иду на работу». Не факт, что я пойду, но в слове этот факт уже свершился, хотя бы потому, что я для описания события, которое может быть произойдет в реальности в будущем, использовал глагольную форму НАСТОЯЩЕГО времени, то есть представил это событие как уже совершающееся в момент речи.

6. Мы больше живем в слове, чем в физических действиях. Вспомните, сколько сегодня событий пронеслось в тексте вашего мозга, а сколько в физической реальности? Более того, до свершения события мы обязательно его проговариваем. Чтобы сделать, например, салат Оливье, мы сначала опишем это действие: «Новый год. Надо Оливье сделать. Надо купить колбасы, огурцов, горошка и т.д. Нож нужен. О! Майонез не забыть бы и т.д.». Факту в физической реальности предшествует факт в лингвальной, созданной языком реальности. В принципе, так поступал и Бог, который делал что-то словом, поскольку сам был словом.

И именно поэтому мы (как одна из ветвей обезьяньего мира) подобны (созданы по подобию) Богу.

7. Высшей формой существования такого лингвального мира является литература. Именно в ней мир не просто ощущаем в слове, но только словом и создается. Предполагаю, что между жизнью человека, творимой словом и только словом, и литературой есть только одно различие: человек сохраняет физические особенности обезьяны, а литература пытается сделать его абсолютно подобным Богу, заставляя забыть о еде и питье и жить только в слове. Но даже физический, обезьяноподобный человек живет в художественном произведении своей жизни.

Отсюда *вывод*. Человек стал подобен Богу и получил дар творения мира словом тогда, когда впервые соврал, обозначил не то, что есть в мире, а то, что есть в слове, то есть когда сотворил первое художественное произведение, стал первопоэтом. Ну это точно русский, а) потому что соврал (как мы без этого?), б) сочинил литературное произведение (вот почему русская литература - лучшая в мире).

Итак, все человечество породила первая русская обезьяна-обманщица-поэт.

Кажется, я выкрутился...

ОБЕЗЬЯНА, КОТОРАЯ ПИЛА ЧЕРНИЛА

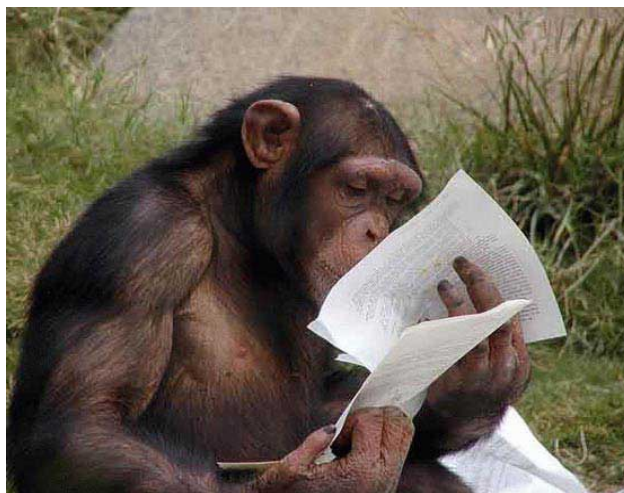
Искусство – обезьяна природы. Это крылатое выражение, пришедшее в русский из латинского языка, вполне могло бы восприниматься просто как красивость, эффектная фраза, если бы не обезьяний лейтмотив, укладывающийся, по-видимому, в некоторую цепочку.

Позволяя себе предновогоднюю лёгкость, мы допустим условное, аструктурное сближение образов в мировой и отечественной литературе. Но чтобы прояснить, что же за зверь такой – обезьяна, выясним, чем она питается. Пойдём от частного к общему.

1. Что ест обезьяна

Литературоведческий ответ на этот вопрос удивит даже самого проницательного зоолога. Ничего не придумывая, а читая художественное произведение, выясняем:

«Это животное водится на севере, имеет в длину четыре-пять дюймов; глаза у него алые, шерсть черная, как агат, шелковистая и мягкая, как подушка. Его отличает необычная черта – страсть к чернилам. Когда кто-нибудь сидит и пишет, обезьяна сидит поблизости, скрестив ноги и сложив передние лапы, и ждёт, пока работа будет закончена. Затем она выпивает остаток чернил и, умиротворённая и довольная, снова усаживается, поджав ноги».

Такое свидетельство оставляет Борхес в «Книге вымышленных существ». Обезьяна здесь определяется как пожирательница чернил. Выходит, что вместо питательных бананов или других фруктов, она выбирает вещество, из которого появляется сама материя литературного произведения, – текст.

Если Борхес всё-таки прав, то выходит, что обезьяна онтологически близка к музе. Она является соучастницей автора в процессе сотворения литературного произведения. Выпивая чернила, обезьяна ставит точку – точку, необходимую для того, чтобы произведение было завершено как логическое и художественное целое.

Напившись чернил, обезьяны молчат, хоть и умеют говорить, как утверждали древние. А молчат они, чтобы люди не заставили их работать.

2. Чем занимается обезьяна, если она не работает

Вспомним этих животных на арене цирка. Они ловкие, артистичные, не лишены очарования, с лёгкостью могут подражать людям. Всё это дарит им успех у противоположного пола. Обезьяны не только любвеобильны, они похотливы.

Как это связано с литературой? Заглянем в историю появления самого неоднозначного романа Набокова – «Политы».

«Насколько помню, – признавался Набоков в послесловии к американскому изданию «Политы» 1958 года, – начальный озноб вдохновения был каким-то образом связан с газетной статейкой об обезьяне в парижском зоопарке, которая набросала углем первый рисунок, когда-либо исполненный животным: набросок изображал решётку клетки, в которой бедный зверь был заключён».

Ассоциативно такой похотливой обезьяной можно назвать набоковского Гумберта. Тем более, что в его уста автор вложил следующий текст:

Где ты таишься, Долорес Гейз?
Что верно и что неверно?
Я в аду, я в бреду: «выйти я не могу».

Ощущение отгороженности, запертости коннотативно связано с клеткой, в которой находится жаждущее вырваться на волю существо. Существо, которое хочет любви и не получает взаимности.

Как тут не вспомнить афоризм Достоевского о том, что обезьянья клетка – это место борьбы Бога и Дьявола, любви и нелюбви?..

3. Обезьяна выбирается из клетки

У Самуила Маршака читаем добренький текст для самых маленьких.

Приплыл по океану
Из Африки матрос,
Малютку-обезьяну
В подарок нам привёз.

Сидит она, тоскуя,
Весь вечер напролёт.
И песенку такую
По-своему поёт:

«На дальнем жарком юге,
На пальмах и кустах,
Визжат мои подруги,
Качаясь на хвостах.

Чудесные бананы
На родине моей.
Живут там обезьяны
И нет совсем людей».

Если бы к этом времени Пушкин не погиб, он, вероятно, вызвал бы Маршака на дуэль. И дело не в пёстрой, экзотической родословной «нашего всего», а в том, что он сам о себе написал в стихотворении «Мой портрет»:

Суший бес в проказах,
Сущая обезьяна лицом,
Много, слишком много ветрености –
Да, таков Пушкин.

Было бы слишком опрометчиво назвать Пушкина главной обезьяной русской литературы, но, кажется, такое допущение возможно.

В книге Авенариуса «Отроческие годы Пушкина» осталось такое свидетельство:

«Пушкин на вершок высунул язык: весь он был точно вымазан чёрной краской или сажей. От такой неожиданности доктор даже отскочил назад.

- Что это вы ели? – спросил он. – Чернику, что ли?

- Ах нет, это от чернил! – расхохотался Пушкин.

- Экий ведь школьник! Чернила пить далеко не безвредно.

- Ну вот я и отравился ими. Положите меня в лазарет.

- Да вы вправду больны?

- Ужасно болен! Ой-ой, как в боку сейчас закололо!

- А мы налепим вам здоровую шпанскую мушку, пропишем две порции касторки...

- Нет уж, увольте, доктор! В лазарете я и без того живо поправлюсь.

- Понимаю теперь вашу болезнь: «febris pritvoralis»? От уроков отлыниваете?

- Нет, «febris poetica».

- Ну, от той вернейшее средство – уши надрать».

Что тут скажешь, обезьяна – она и есть обезьяна. Но с Пушкина всё только началось. Кривляющиеся рожицы то и дело возникали в стихотворениях различных поэтов, сохраняя связь с той самой главной обезьяной, которая допивала чернила после написания произведения.

У Ходасевича и Бунина есть стихотворения-двойники под названием «Обезьяна», у Гумилёва появление этого животного несёт тревогу, напряжение:

Видишь, мчатся обезьяны
С диким киком на лианы,
Что свисают низко, низко,
Слышишь шорох многих ног?
Это значит – близко, близко
От твоей лесной поляны
Разъярённый носорог.

Любовь к образу обезьяны острословный Ильф назвал «дарвинизмом в поэзии». А это определение заслуживает уже другого, серьёзного филологического исследования.

Хочется одного: чтобы в 2016 году никто из нас не пил чернила, отдавая предпочтение напиткам повкуснее, похмельнее и игристее, как шампанское.

Тем более, что и Пушкин, имеющий лицейское прозвище *Обезьяна*, не был к ним равнодушен.

«ВЫСОКОЕ ОБЕЗЬЯНСТВО»

«Высоким обезьянством» (*singerie sublime*) назвал Дени Дидро в «Парадоксе об актере» актерское искусство чистого подражания, заранее вытверженного урока, патетической гримасы. Возможно, в словах Дидро *singerie* (обезьянство) – калька с распространённого латинского выражения *simia naturae* (игра слов: «/человекоподобная/ обезьяна природы» или «подражание природе»)? Но действительно ли речь идет о миметизме и только?

Вспомним другое (вольтеровское) обращение к тем же самым животным практически в это же время (в середине восемнадцатого века):

«Выражение "смесь обезьяны и тигра" ("tigre-singe") было пушено в ход Вольтером как характеристика нравственного облика француза. В период борьбы за пересмотр дела Каласа, в выступлениях в защиту Сирвена и Ла Барра Вольтер неоднократно обращался к этому образу. Он писал д'Аржанталю, что французы "слывут милым стадом обезьян, но среди этих обезьян имеются и всегда были тигры". В письме маркизе Дю Деффан он утверждал, что французская нация "делится на два рода: одни это беспечные обезьяны, готовые из всего сделать потеху, другие – тигры, все раздражающие". Характеристика эта иногда варьируется: "Арлекины-людоеды!" (в письме к д'Аржанталю от 16 июля 1766 г.), "танцующие обезьяны" и "рычащие медведи". Однако именно сочетание "тигр-обезьяна" закрепилось во фразеологическом употреблении, видимо, потому, что опиралось на устойчивую образную традицию: обезьяна – щеголь, петиметр; тигр – тиран, свирепый человек. Соединение этих двух сатирических штампов воспринималось как типовая характеристика француза. Именно с таким значением этот фразеологизм получил распространение. Так его употребляет, например, Герцен в письме к А.А. Тучкову в 1857 г.: "Мы очень близко смотрим на некогда милых (ср. "милое стадо" у Вольтера) *tigres-singes* и теперь облезших и противно состарившихся". Ср. в "Моих литературных и нравственных скитальчествах" А. Григорьева: "Француз тоже, за исключением лихорадочных эпох исто-

рии, когда милая *tigre-singe* разыграется до головокружения, вообще весьма склонен к *нравственной* жизни"»¹.

И... попробуем с этим разобраться.

Уже в античности обезьяны имели отношение к зрелищу, игре, театру: с ними (как и с другими ручными животными) выступали бродячие мимы. (Отзвук этой традиции – шарманщики с обезьянками, часто ряжеными в человеческую одежду. Одного такого шарманщика в течение многих лет я наблюдала еще совсем недавно на площади перед парижской Опера Гарнье).

Изображения и описания обезьян встречаются в средневековых манускриптах, хотя представления о них там (как и о других живых существах) в целом фантастические (Илл. 1): «Самка обезьяны всегда рождает двойню, в которой любит одного и ненавидит другого.

Илл. 1. Абердинский bestiарий

Когда за ней гонится охотник, любимого обезьяна несет в руках, а ненавидимый висит на ней сзади.

В конечном счете она устает и бросает того, которого несет в руках, а другой спасается.

У обезьяны нет хвоста»².

Или вот такое (оно, впрочем, скорее о льве, чем об обезьяне) (Илл. 2): «Известно, что больной лев ищет обезьяну, чтобы ее съесть, надеясь после этого выздороветь»³.

Илл. 2. Больной лев, пожирающий обезьяну

Важно, что средневековые бестиарии подчеркивали сходство обезьяны не с человеком, а с дьяволом (Илл. 3): «В целом обезьяны неуклюжи, их нижняя часть действительно непривлекательна и ужасна. Точно так же и у дьявола имелся прочный низ, когда он находился среди небесных ангелов, будучи лицемерным и коварным, он потерял хвост, собственный отличительный признак, в знак того, что в конце концов погибнет»⁴.

Илл. 3. Обезьяна-дьявол

Средневековое представление об обезьяне-дьяволе (безобразной и уродливой) заложило основу ренессансной аллегористики, в которой скованная обезьяна (в ошейнике и цепях) означала «грех/похоть, преодолённые добродетелью»⁵. (Илл. 4).

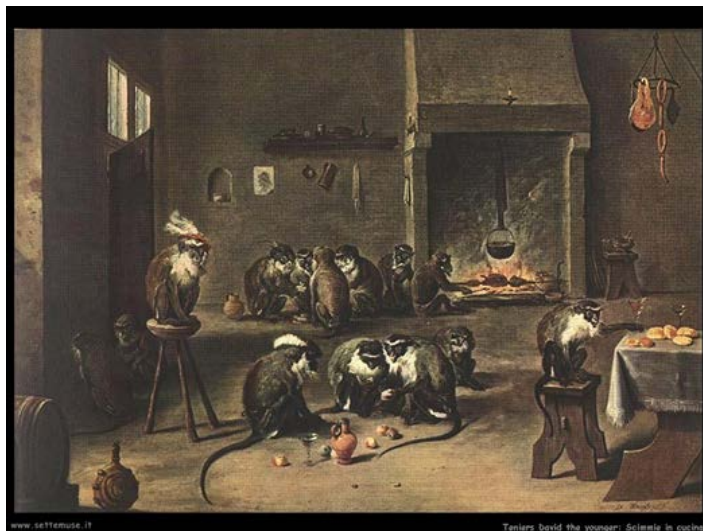
Илл. 4. Альбрехт Дюрер. Мадонна с обезьянкой

В XVII веке с возникновением Ост-Индских компаний и резким расширением связей с Востоком моряки и купцы стали массово привозить в Европу небольших обезьянок; возникла мода держать их как домашних животных и рядить в человеческую одежду (в аристократических домах часто в ливреи слуг). (Илл. 5)

Илл. 5. Джон Вуттон. Любимый пудель и обезьяна Томаса Осборна, герцога Лидского

Наряду с арапчатами (тоже обычно ливрейными слугами) обезьяны создавали экзотический колорит (подчеркивающий богатство и избранность их владельцев). А вместе с карликами и небольшими животными (собаками, кошками, птицами) – уменьшенный (как бы игрушечный) дубликат «большого мира» людей. Именно в это время обезьяны населили полотна фламандских художников: семейства Брейгелей и Дэвида Тенирса, Фердинанда ван Кесселя и др., в своих картинах нередко помещавших обезьянью стаю на кухню или в кладовую (Илл. 6)

Илл. 6. Давид Тенирс-младший. Обезьяны на кухне

«Пиршество обезьян» (теперь уже читай – людей) – «типовая» картина фламандских художников семнадцатого столетия. Не обязательно сатирические, эти сюжеты выявляли не столько животную природу человека, сколько загадочную близость его внешнего вида и поведения с обезьяньими (Илл. 7).

Илл. 7. Ян Брейгель-старший. Обезьяний пир.

Фламандская «обезьянья живопись» – часть бытового жанра, предельно внимательного к деталям предметного мира и костюма (Илл. 8).

Илл. 8. Дэвид Тенирс-младший. Обезьяны на кухне

И в то же время это результат естественнонаучных наблюдений (любимого фламандцами и голландцами «ботанического» или «зоологического» рисования) (Илл. 9).

Илл. 9. Густав Хесселюс. Любимая обезьянка Карла Линнея

Обезьяньи сюжеты не были, разумеется, единственными (фламандцы в своих картинах очеловечивали разных животных), но достаточно распространенными.

Во Францию мода на обезьянью тему пришла в самом конце XVII века, в эпоху рококо и распространилась в аристократической среде к началу правления Людовика XV, как считается, в связи

с общим интересом к Дальнему Востоку. Обезьянство во Франции прочно срифмовалось с ориенталистским экзотизмом, а более узко – с китайщиной (шинуазери).

Китай же среди прочих рокайльных мотивов представлял Утопию, земной рай: невиданные плоды и цветы, волшебные птицы и чудесные животные, беззаботность и вечное веселье обитателей. (Конечно, в этих французских фантазиях о Востоке китайцы нипочем бы себя не признали).

Опознавательными знаками «китайского» стали шапочка с кисточкой, косичка, зонтик, а из бестиарного ряда: дракон (как фантастическое животное), длиннохвостые «райские» птицы и обезьяна (в этом каталоге, по-видимому, представленная тоже как чудо). Не теряя своей аллегоричности, французская рокайльная обезьянка приобрела гораздо большее изящество, игривость и орнаментальность по сравнению с прежними эпохами.

Обезьяны рококо, как правило, обитали не на живописных полотнах, как у фламандцев, а в интерьерных росписях так называемых *singerie* (сенжери, или «обезьяньих кабинетов»): потолков, стен, дверей, мебели, музыкальных инструментов. Обезьянки в человеческих одеждах и за человеческими занятиями окружали теперь в повседневной жизни владельцев сенжери (и были как бы «зеркальным» подобием их быта).

В этих интерьерных изображениях совсем исчезло ощущение дьявольского безобразия, уродливости, неправильности обезьяны по сравнению с человеком: напротив, обезьянье племя предстало в виде симпатичных и славных (может быть, чуточку странных – остранных) существ, возвышенных до людей (причем ведущих аристократический образ жизни). Разумеется, оставалась ощутимой ирония, а еще точнее легкая самоирония (как никак почти портрет хозяев), но все же не сатира. Сенжери развлекали, удивляли и умиляли (ср. с вольтеровским «милым стадом обезьян»), но не стремились обличать пороки.

Считается, что открыл обезьянью тему для французского искусства Жан Берен, придворный рисовальщик Людовика XIV, вплетавший в свои фантастические театральные декорации среди прочих элементов орнаментики и обезьян. Но моду на сенжери ввел один из «мастеров китайщины» Клод Одран III-й в конце первого десятилетия восемнадцатого века; его самый ранний опыт в этом духе – росписи во дворце Марли Людовика XIV. Антуан Ватто, другой поклонник шинуазери, сделал тридцать обезьяньих интерьерных изображений во дворце Шато де ля Мюзет (не

сохранились) и написал для герцога Орлеанского картину «Обезьяны-художники» (как реплику на «Концерт кошек» Ф. Брейгеля⁶). Клод Жилло создал серию обезьяньих рисунков (Илл. 9а).

Илл. 9а. Клод Жилло. Искусство. Философия. Нотариальная контора

Не так давно, в 2009 году в одном из парижских домов (ул. Конде, 26) реставраторы обнаружили неизвестную ранее роспись потолка «с обезьянами», условно датируемую 1713 г., авторство которой приписывается Антуану Ватто, его ученику Николя Ланкре и Клоду Одрану III-ему⁷ (Илл. 10).

Илл. 10. Плафон «с обезьянами»: Париж, ул. Конде, 26

В этой росписи нет выраженной китайщины, но зато видна подчеркнутая театральность. На потолке среди птиц, декоративных вееров, картушей с амурами изображены четыре обезьяны, сидящие попарно друг напротив друга. Похоже, что это одна и та же обезьяна в костюме актера итальянской народной комедии (ярмарочного театра), но с разной символической атрибутикой. Обезьяны очеловечены и представлены через мир театра, что отсылает к любимой идее искусства рококо (и Ватто, в частности): жизни как всеобщей и вечной игры, непрекращающегося праздника.

Из всех атрибутов, которые держат обезьяны на этой росписи плафона, с театрализацией жизни легче всего связать зеркало, в котором отражается красавица (преображение/перевоплощение в театральной игре, принятие роли) (Илл. 11), и ошейник раба (Илл. 12): он у обезьяны не на шее, а в руке (или все же лапе?) и означает, по-видимому, раскрепощение, свободу чувств, либертинаж.

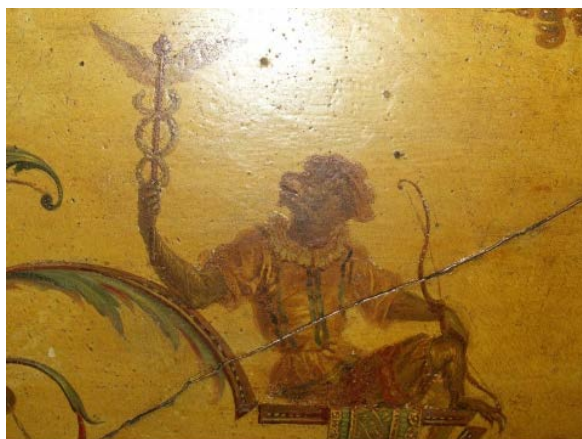

Илл. 11. Обезьяна с зеркалом

Илл. 12. Обезьяна с ошейником

Чуть сложнее с кадуцеем (Илл. 13), но, возможно, догадка о басне Лафонтена «Юпитер и обезьяна», как источнике для изображения, верна⁸. В этой басне Юпитером вместо Меркурия (как это было бы в мире людей) с миротворческой миссией к зверям отправлена обезьяна-актер Жиль (имя старинного персонажа ярмарочного бурлескного театра: вспомним знаменитую одноименную картину Ватто).

Илл. 13. Обезьяна с кадуцеем

Не очень понятно, правда, как соотносится с кадуцеем, зеркалом и ошейником ящерица (Илл. 14) (хотя это тоже знак Меркурия, посланца богов, и в таком случае как бы замена/дубликат кадуцея).

Илл. 14. Обезьяна с ящерицей

У трех обезьян (кроме той, что с ящерицей) к тому же в другой руке лук (амура?): и в целом вся атрибутика может быть расшифрована как театр/актерство – любовная игра/притворство – свобода чувств. Игра и театр здесь представлены пространством свободы (прежде всего эротической).

И все же не Ватто и не Одран, в первую очередь, ассоциируются с «обезьянством» искусства рококо: наиболее известные сенжери принадлежат Кристофу Гюзэ (Юэ) 2-му, создавшему целый обезьяний мир (государство), параллельный человеческому⁹.

Среди обезьяньих шедевров Гюзэ: клавесин для замка Туари (1733) (Илл. 15), росписи в замке Шан-сюр-Марн, сенжери парижского отеля Роан (Илл. 16), шесть панно из «обезьяньего кабинета» замка Ля Норвиль (хранятся в Национальной галерее в Вашингтоне) (Илл. 17-20. Кристоф Гюзэ. Панно для замка Ля Норвиль. Национальная галерея. Вашингтон).

Илл. 15. Кристоф Гюз. Клавесин с музицирующими обезьянами

Илл. 16. Кристоф Гюз. Обезьяний кабинет. Ныне Национальные Архивы Франции. 1751-1752

Илл. 17. Кристоф Гюз. Художник. Панно для замка Ля Норвиль

Илл. 18. Кристоф Гюз. Рыбная ловля. Панно для замка Ля Норвиль

Илл. 19. Кристоф Гюз. Танец. Панно для замка Ля Норвиль

Илл. 20. Кристоф Гюз. Концерт. Панно для замка Ля Норвиль

И, наконец, Большой и Малый «обезьяньи кабинеты» в Шантийи у герцога Луи-Анри Бурбона Конде (1737), которые долгое время с легкой руки Эдмона Гонкура приписывались Ватто. Малая сенжери в системе замковых комнат - будуар, Большая сенжери - один из парадных залов (Илл. 21)

Илл. 21. Кристоф Гюз (?). Большая сенжери. Шантийи

В Большой сенжери шесть панно, три двустворчатых двери, потолок, а это десятки обезьян-людей в различных галантных сценах и занятиях (Илл. 22-25).

Илл. 22. П plafон Большой Сенжери

Илл. 23. Сбор вишни/Малая сенжери

Илл. 24. Обезьяна-канатоходец

Илл. 25. Обезьяна - аллегория Войны

Панно представляют аллегории пяти чувств и четырех стран света (Европы, Азии, Америки, Африки), а также интересы Конде (охоту, к примеру) (Илл. 26).

Илл. 26. Кристоф Гюз. Обезьяны охотятся на лань. Большая Сенжери. Шантийи

Зрение обозначено кабинетом алхимика (в центре композиции, как предполагается, автопортрет художника) (Илл. 27); обоняние – поклонением даме (Илл. 28); вкус – чаепитием (и шоколадом); слух – музыкой (Илл. 29-30); осязание – дамой, получившей письмо (Илл. 31).

Илл. 27. Кристоф Гюз. Кабинет алхимика. Панно Большой Сенжери. Шантийи

Илл. 28. Кристоф Гюз. Аллегория обоняния Панно Большой Сенжери. Шантийи. Деталь панно в Большой сенжери. Пастиш, отсылающий к картине Антуана Ватто, изображающей поклонение императрице Ки Мао Сао. В панно можно также увидеть аллегория одного из пяти чувств – Обоняния (как «курения фимиама»)

Илл. 29-30. Кристоф Гюз. Аллегория Слуха. Панно Большой Сенжери. Шантийи

В 1743 году Жан-Батист Гелар издал «Обезьяньи кабинеты» с 13 эстампами Кристофа Гюз (Илл. 32-33).

Илл. 32-33. Кристоф Гюз. Обезьяны. Урок танца. «Обезьяньи кабинеты» 1741

Благодаря Гюз, сенжери стали повторять и тиражировать, воспроизводить в малых формах в декоративно-прикладном искусстве (Илл. 34), где самой популярной по непонятной причине стала тема обезьяньего концерта.

Илл. 34. Учитель и ученики. Каминный экран. Большая сенжери. Шантийи

Достаточно вспомнить знаменитый фарфоровый «Обезьяний оркестр» (из двадцати одного музыканта) немца Иоганна Иоахима Кендлера 1760-х гг. (Илл. 35), который до сих пор воспроизводится на мейсенской мануфактуре. А также музыкальные автоматы, часы с обезьянами-музыкантами (тоже немецкого производства).

Илл. 35. Иоганн Иоахим Кендлер. Обезьяний оркестр. 1760-е гг. Мейсен

Кукольные мини-сенжери (настольные, напольные музыкальные механические театры) распространились по всей Европе. Их образцы можно найти и в России: один из них хранится в музей-квартире С.В. Образцова (Илл. 36), другой – в Киевском театральном музее (куда обезьяний оркестр попал из помещичьей усадьбы).

Илл. 36. Обезьяний оркестр. Музыкальный механический театр. Музей-квартира С.В. Образцова. Москва

Но вернемся к началу. К вольтеровской характеристике своих соотечественников как «милого стада обезьян», «танцующих обезьян», арлекинов-обезьян. Вольтер наблюдал и сам участвовал в аристократической театромании, как эпидемии, охватившей Францию восемнадцатого века. И это итог его наблюдений о вечном галантном празднике.

Не исключено, что и Дидро в «Парадоксе об актере» размышлял не только о тех, кто представляет на сцене, но и о «театре жизни». Актер, играющий чувством, хоть и высокое, но обезьянство. Актер, играющий разумом, – другой уровень очеловечивания человека. И это тоже вывод – итог просветительской программы.

P.S. А впереди «танцующих обезьян» ждала Великая Французская революция.

P.P.S. Интересно, какой бы была теория происхождения видов Чарльза Дарвина без «высокого обезьянства» восемнадцатого века?

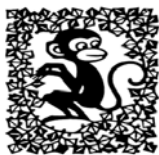

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лотман Ю.М. «Смесь обезьяны с тигром» // Временник Пушкинской комиссии, 1976 / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. Л.: Наука, 1979. С. 110-111.
2. Зорич А. Абердинский bestiary. Электронный ресурс: http://www.medievalmuseum.ru/02mini/illuminated_manuscripts_aberdeen_bestiary.htm
3. Уайт Теренс Хэнбери. Средневековый bestiary. Что думали наши предки об окружающем их мире. М., 2013. С. 9.
4. Там же. Электронный ресурс: <http://www.rulit.me/books/srednevekovyj-bestiarij-chto-dumali-nashi-predki-ob-okruzhayushchem-ih-mire-read-338847-1.htm>
5. Подробнее см.: Нестеров А.В. «Век мой, зверь мой...», или о символическом мышлении и анималистических кодах в связи с портретами XVI-XVII вв. // Нестеров А.В. Символ и жест. О некоторых чертах культуры XVI-XVII вв.: паттерны мышления и паттерны поведения. Саратов: Лаборатория исторической, социальной и культурной антропологии, 2011. С. 4-41.
6. Реплика А. Ватто на картину Ф. Брейгеля указывает на то, что в возникновении моды на «обезьяньи кабинеты» была повинна не только дальневосточная экзотика, но и традиция, идущая от фламандской и голландской живописи.
7. Inizan Christelle. Découverte à Paris d'un plafond peint à décor de singeries attribué à Claude III Audran, Antoine Watteau et Nicolas Lancret. Электронный ресурс: <http://insitu.revues.org/805>
8. Там же.
9. Garnier-PelleNicole. Singeries et exotisme chez Christophe Huet. Paris, 2010.

ВОПРОС ОБ ОБЕЗЬЯНЕ

Сущность обезьяны еще должным образом не помыслена. Чтобы сделать это, нам следует начать мыслить обезьяну как собственно обезьяну и никак иначе. Что это значит? Это значит: не мыслить обезьяну извне, как нечто внешнее, как приходящее в мир, но мыслить обезьяну как постоянное присутствие, то есть мыслить обезьяну в ее наличном бытии, в ее Dasein'e и никак иначе.

Можем ли мы постичь сущность обезьяны именно как обезьяны, то есть взятой самой по себе? В действительности, нет, ибо не может нечто быть само по себе вне контекста собственного существования. Но каков контекст существования обезьяны? Для ответа на этот вопрос, обратимся к самому наименованию того, что именуется обезьяной. Если мы взглянем на это название, то обнаружим, что данное имя состоит из двух префиксов (приставок): о- и без-, корня -я-, суффикса -н- и флексии (окончания) -а.

Таким образом, обезьяна – это то, что стало быть без «я», подобно тому, как обезображенное – то, что лишилось образа (ср.: «о-без-образить», то есть «сделать безобразным»). При этом, в ин-

доевропейских мифологиях «понятие обезьяны связывалось с Мировым разумом, т. е. божеством», причем, не только связывалось, но обезьяна также была его олицетворением [1, с.233], то есть собственно образом. Следовательно, обезьяна – это некий образ без образа. При этом же, обезьяна – это и «эмблема бесстыдства, зловредности, жадности. В китайской традиции – эмблема безобразия, уродливости и плутовства. В христианстве обезьяна – символ тщеславия и любви к роскоши.

В индуизме обезьяна – священное животное бога воздушных пространств Ханумана, которого также называют «божественной обезьяной». Хануман – наставник в науках и покровитель деревенской жизни.

Три мистических обезьяны буддизма – символ отрицания зла...» [2, с.202].

В европейской литературе впервые образ обезьяны встречается в дошедшем до нас начале басни «изобретателя лирики» [3, с.84] Архилоха «Лиса и обезьяна»:

«Мой Керикид, тебе скажу я сказочку
Про палку, больно бьющую.
Раз обезьянка, рой подруг покинувши,
Бродить пустилась по свету.
И повстречалась ей лиса-лукавица,
На кознодейства ловкая» [4, с.228].

Что случилось в результате встречи обезьяны с лисой – неизвестно.

Но обратим внимание на то, что обезьяна впервые проявляется в художественной литературе в момент встречи, которая не является обыденной, поскольку перед этим обезьяна покидает свой привычный мир, то есть становится существом, странствующим по иным мирам. Если вспомнить о том, что структура мироздания

у индоевропейцев трехчастна: верхний мир, средний мир и нижний мир, то обезьяна оказывается своего рода путешественницей по мировому древу. В этой связи отметим, что белка, кстати, именуется также «обезьяной северных лесов» [5, с.38] и также является путешественницей по мирам. Вспомним, например, «Старшую Эдду», в которой говорится:

Рататоск белка
резво снует
по ясеню Иггдрасиль;
все речи орла
спешит отнести она
Нидхёггу вниз [6, с.38].

Если в европейской литературе обезьяна проявляется изначально, как странствующее по мирам существо, то в русской литературе обезьяна впервые упоминается в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина, как существо, обитающее по соседству с миром людей и вторгающееся в него: «А обезьяны то тѣ живутъ по лѣсу, да у нихъ есть князь обезьяньскыи, да ходить ратию своею, да кто ихъ занимаетъ и они ся жалуютъ князю своему, и онъ посылаетъ на того свою рать, и они пришедъ на градъ и дворы разводятъ и люди побьютъ; а рати ихъ сказываютъ велми много, и языки ихъ есть свои, а дѣтей родятъ много, да которои родится не въ отца, не въ мать, и ни тѣхъ мечють по дорогамъ, ины Гондустанци тѣхъ имають да учать ихъ всякому рукодѣлью, а иныхъ продають ночи, чтобы въздъ не знали побѣжати, а иныхъ учать базы миканеть» [7, с.584; 8, с.500].

При этом, в обезьянье царство никто извне не проникает, то есть оно существует в другом измерении, неподвластном человеку.

Именно поэтому, обезьяна – существо онтологически запредельное, и, вторгаясь, в наш мир, лишается своего «я», то есть личностного начала, а, следовательно, лица. Поэтому-то, обезьяна обезличена. Чтобы проявиться в мире людей, обезьяна лишается лица. Но там, где нет лица, там присутствует личина, маска. А маска – это всегда тайна, это – область непознаваемого. Именно поэтому вопрос о сущности обезьяны все еще остается вопросом и именно поэтому сущность обезьяны до сих пор должным образом не помыслена и принципиально помыслена быть не может, а это значит, что тема обезьяны и ее проявлений неисчерпаема, что указывает на перспективность исследований в данном направлении, что дарит надежду на благосклонность обезьяны как олицетворения Мирового Разума в наступающем году в отношении научных изысканий.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М.: ВЛАДОС, 1996.
2. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Автор-составитель К. Королев. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2006.
3. Античная литература: Учебник для студентов педагогических институтов по специальности № 2101 «Русский язык и литература» / А.Ф. Посев, Г.А. Сонкина, А.А. Тахо-Годи и др.; Под ред. А.А. Тахо-Годи и др. – М.: Просвещение, 1980.
4. Эллинские поэты VII—II вв. до н. э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / Отв. ред. М. Л. Гаспаров. — М.: Ладомир, 1999.
5. Кожевников А.Ю. Словарь синонимов современного русского языка. Речевые эквиваленты: практический справочник. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009.
6. Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях / Пер. А.И. Корсуна; Редакция, вступительная статья и комментарии М.И. Стеблин-Каменского. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1963.
7. Черных Т.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – Т.1: А – Пантомима. – М.: Русский язык, 1999.
8. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – Т.2: Л – П. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1902.

ОБЕЗЬЯНИЙ ДЖАЗ, ИЛИ ОБЕЗЬЯНА КАК ХАОС И КОСМОС

«Когда вы будете повторять за мною слова молитвы, – раздельно и громко сказал Ходжа Насреддин, – ни один из вас не должен думать об обезьяне! Если кто-нибудь из вас начнет думать о ней или, что еще хуже, представлять ее себе в своем воображении – с хвостом, красным задом, отвратительной мордой и желтыми клыками – тогда, конечно, никакого исцеления не будет и не может быть, ибо свершение благочестивого дела несовместимо с мыслями о столь гнусном существе, как обезьяна».

В процессе нашего исследования, мы выяснили, что ментальная формула Ходжи Насреддина работает и в строго обратном направлении – надо вот подумать об обезьяне, разъяснить себе, что она собой представляет, а она на ум не идет. Ближайший вывод, который здесь напрашивается, что обезьянья сущность – это нечто переменчивое, а потому неуловимое и не так-то легко поддающееся аналитике. Однако попробуем здесь очертить несколько пробных подходов к такому сложному вопросу.

Подход 1. Искусство быть посторонним

За образом обезьяны в мировой культуре и отечественном литературном пространстве прочно установился статус заморского дива. Обратимся к классическим текстам:

«А еще есть в том Аланде птица гукук, летает ночью, кричит: «кук-кук»; а на чьем доме сядет, там человек умрет, а захочет кто

ее убить, она на того огонь изо рта пускает. Мамоны ходят ночью да хватают кур, а живут они на холмах или среди скал. А обезьяны, те живут в лесу. Есть у них князь обезьяний, ходит с ратью своей. Если кто обезьян обидит, они жалуются своему князю, и он посылает на обидчика свою рать и они, к городу придя, дома разрушают и людей убивают. А рать обезьянья, сказывают, очень велика, и язык у них свой» (А. Никитин, «Хождение за три моря»).

Обезьяна представляется как жительница мест столь отдаленных, что вполне уживается там с людьми с песьими головами и прочей заморской атрибутикой. Разумеется, прогресс и открытия возможности перемещения уже откорректировали это представление, однако нельзя сказать, что оно исчезает вовсе, сохраняясь даже в простейших формах в детской поэзии:

У девочки Веры теперь есть подружка,
Она не котёнок, она не игрушка.
Она иностранка, она интуристка.
Она – обезьянка по кличке Анфиска (Э. Успенский).

К теме вечной вынужденной эмиграции обезьяны примешивается естественным образом и тема ностальгии по далекой и теплой родине, тема тоски по живым истокам дикой природы и естественной красоты:

Приплыл по океану
Из Африки матрос,
Малютку-обезьяну
В подарок нам привез.
Сидит она, тоскуя,
Весь вечер напролет
И песенку такую
По-своему поет
Мартышка вспоминает
Страну свою – Алжир
И утром принимает
Трохладный рыбий жир (С. Маршак).

Словом, поэтика обезьяны отсылает наше воображение к окрестностям, например, озера Чад, где уже бродит жираф, олицетворяя первозданность.

Подход 2. Симплиций Симлициссимус

Другим неизменным атрибутом обезьяны становится шутовской колпак, и фото с обезьянкой – далеко не единственные артефакты, подтверждающие данный тезис. От юркой мартышки до угрюмого орангутанга – все они становятся узниками зрелищ и с этой точки зрения – мучениками человеческой жажды эстетического, пусть и в самых примитивных его формах. Это наивная природа, вызывающая и умиление и насмешку одновременно, это вечный образ простака – крыловская мартышка, не знающая, куда ей деть бесполезный с точки зрения зоркой биологии предмет.

Подход 3. Коллективное бессознательное

Этот ракурс навеивает, конечно, ассоциации с «бандерлогами» Киплинга – развалившийся храм, поглощенный джунглями, демократическая ватага, не имеющая главного, а только равных среди равных, ожидающих своего диктатора. Шутки, прибаутки, «острое слово», поиски того, как провести досуг (ассоциация получилась слишком политизированная, может быть, семантические перек-

лички «бандерлогов» с современностью тому виной). Коллективный труд в этом вопросе меняет акценты от бессознательного к сознательному совершенствованию – все-таки, по легенде, обезьяна, усердствуя, достигла большего, очеловечилась. Однако стартовая ступенька никак не хочет терять своих позиций, и на деле приходится разбираться, на какой стадии эволюция и что с ней дальше делать. По этому поводу самокритичный Михаил Михайлович Пришвин отозвался:

«Проходит век за веком, и вот уже пишут историю происхождения человека от обезьяны, и маленький мальчик с восторгом прибегает из школы — великую радостную новость узнал: человек происходит от обезьяны. И так человек стал рабом умственно численному существу обезьяны.

— И я раб обезьяний, раб, ожидающий воскресения себя из числа» (М. Пришвин «Раб обезьяний»)

Подход 4. Инфернальница

«На эстраде за тюльпанами, где играл оркестр короля вальсов, теперь бесновался обезьяний джаз. Громадная, в лохматых бакенбардах горилла с трубой в руке, тяжело приплясывая, дирижировала. В один ряд сидели орангутанги, дули в блестящие трубы. На плечах у них верхом поместились веселые шимпанзе с гармониями. Два гамадрила в гривах, похожих на львиные, играли на роялях, и этих роялей не было слышно в громе и пiske и буханьях саксофонов, скрипок и барабанов в лапах гиббонов, мандрилов и мартышек» (М. Булгаков «Мастер и Маргарита»).

Этот джаз-бэнд на балу у сатаны – деталь впечатляющая и открывающая бездны в обезьяньем облике. Как видим, дискурс обе-

зьяны отсылает если не в заморские дали, то в преисподние глубины. Какова причина таких макабрических аллюзий? Обезьяний облик как пародия на человека в средневековой религиозной картине играл часто самые мрачные роли, такой вариант «мелкого беса», поскольку отец лжи в этой картине мира не гнушается и легким пародийным жанром. Обезьяна, в общем-то, захаживает со своим уставом в чужой монастырь – со своей животной нормой в норму человеческую, и, например, виртуозно пользуясь вилкой, всегда готова оскалиться, обнажая полное не комильфо. Энергия этой атональности ее повадок, разрушительная сила внезапного взрыва всякой нормы – это та темная энергия, которая позволяет животной стихийности сыграть свой веселый свинг на наших костях.

Подход 5. Униженные и оскорбленные

Как мы успели убедиться, культурный контекст обезьяны широк, широк настолько, что, как говорится, «я бы сузил». Могущественная, темная энергия ее в мире невидимом оборачивается неприглядным обликом в мире бытовом:

«Да за кого ты себя принимаешь, фря ты эдакая, облизьяна зеленая!» –

бранится героиня в романе Достоевского, намекая своей словоформой на облезлый вид, недоедание и нездоровый цвет лица своей «собеседницы». Как отзывается на эту ничтожность и униженность русский гений? Разумеется, состраданием и ощущением святого братства:

Всю воду выпив, обезьяна блюдце
Долой смахнула со скамьи, привстала
И – этот миг забуду ли когда? –
Мне черную, мозолистую руку,
Еще прохладную от влаги, протянула...

Я руки жал красавицам, поэтам,
Вождам народа - ни одна рука
Такого благородства очертаний
Не заключала! Ни одна рука
Моей руки так братски не коснулась! (В. Ходасевич)

Такое братание лирического героя В. Ходасевича - не предел, этот природный интернационал - только преддверие полной самоидентификации, которую находим в автобиографическом эссе Арсения Тарковского «Марсианская обезьяна»:

Мое прозвище было Муц. Но прозвище было неправильное, в нем было что-то лошадиное, а я тогда считал, что я обезьяна. Больше всего я интересовался обезьянами: стремился удовлетворить тоску по сородичам.

- На Марсе есть обезьяны?

- Не задавай дурацких вопросов, - отвечал Валя. - Наука этого не знает.

- Много она знает, твоя наука, - сказал я. - Даже про обезьян не знает. Я вот всё знаю про обезьян - и где живут, и что едят, и как блох ищут. Они ищут блох вот так.

И я искал блох с совершенством: уж очень я любил обезьян.

- Не мешай, - сказал Валя. - Уйди из комнаты...

- Подожди, - перебил я брата. - Подожди немножко, посмотри, как они ищут, если блоха на спине!

Тут Валя затопал ногами и вытолкнул меня из комнаты...

- Валя,пусти меня, я буду тихий, - молил я, - тихий, как марсианская обезьяна (А. Тарковский «Марсианская обезьяна»).

Приведенный отрывок, кроме прочего, свидетельствует об освоении обезьяной помимо географических широт и подземных глубин еще и третьего измерения - космического.

О ЧЕМ ТОСКУЕТ ОБЕЗЬЯНА, ИЛИ ПОПЫТКА РЕАБИЛИТАЦИИ МАРТЫШКИ

Традиционное представление об обезьяне можно передать характеристиками: хитрость, уловки, ужимки, гримасы. Вспомним хотя бы обезьян Киплинга или хрестоматийную мартышку Крылова. Таковую обезьяну можно назвать *pithecus ludens* Обезьяной играющей, по аналогии с хейзинговским *homo ludensom*.

Однако в начале XX века, на наш взгляд, можно говорить о возникновении новой формации обезьяны - *pithecus aegrotus*, то есть «обезьяны тоскующей».

Начало этой традиции мы усматриваем в стихотворении «С обезьяной» Ивана Бунина, написанном в 1907 году. Приведем это стихотворение полностью:

Ай, тяжела турецкая шарманка!
Бредет худой, согнувшийся хорват
По дачам утром. В юбке обезьянка
Бежит за ним, смешно поднявши зад.

И детское и старческое что-то
В ее глазах печальных. Как цыган,
Сожжен хорват. Пыль, солнце, зной, забота.
Далеко от Одессы на Фонтан!

Ограды дач еще в живом узоре —
В тени акаций. Солнце из-за дач
Глядит в листву. В аллеях блещет море...
День будет долог, светел и горяч.

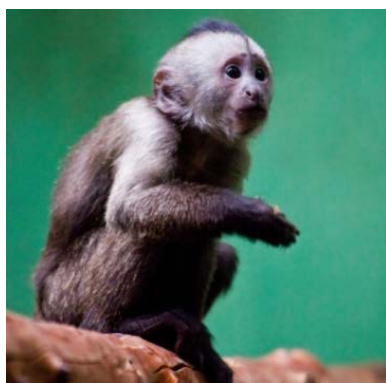
И будет сонно, сонно. Черепицы
Стеклом светиться будут. Промелькнет
Велосипед бесшумным махом птицы,
Да прогремит в немецкой фуре лед.

Ай, хорошо напиться! Есть копейка,
А вон киоск: большой стакан воды
Даст с томною улыбкою еврейка...
Но путь далек... Сады, сады, сады...

Зверок устал, — взор старичка-ребенка
Томит тоской. Хорват от жажды пьян.
Но пьет зверок: лиловая ладонка
Хватает жадно пенистый стакан.

Поднявши брови, тянет обезьяна,
А он жует засохший белый хлеб
И медленно отходит в тень платана...
Ты далеко, Загреб!

Здесь обезьяна предстает как существо с печальными глазами, одновременно совмещающее детство и старость, то есть по сути вне возрастное. Печальные глаза в предпоследней строфе уже не просто печальны, но неизбежно, экзистенциально тоскливы: «Зверок устал, — взор старичка-ребенка томит тоской». Таким образом Бунин изображает пару несчастных шарманщика-хорвата и его ручную обезьянку, тоскующую по свободе.

Этот же мотив тоскующей обезьянки встречаем и в совсем другом по жанру, но не таком уж далеком по времени создания – 1923 год, стихотворении детского писателя С.Я.Маршака «Обезьяна». Вспомним хорошо знакомые практически всем советским детям строки, прочитав их как бы заново:

Триплыл по океану
Из Африки матрос,
Малютку-обезьяну
В подарок нам привез.

Сидит она, тоскуя,
Весь вечер напролет
И песенку такую
По-своему поет:

«На дальнем жарком юге,
На пальмах и кустах,
Визжат мои подруги,
Качаясь на хвостах.

Чудесные бананы
На родине моей.
Живут там обезьяны
И нет совсем людей».

Это стихотворение можно прочесть по-детски как историю привезенной обезьянки, которая тоскует по дому, а можно предложить и более глубокую интерпретацию, увидев в последних строках «Живут там обезьяны И нет совсем людей» – противопоставление бананового рая обезьян и мира жестоких людей, которые безжалостно забрали обезьянку из родных мест и ей теперь остается только тосковать. Возможно, это и сверхинтерпретация детского текста, хотя...

* * *

Это была первая часть нашего доклада – несерьезная. Сейчас же мы хотим поговорить о серьезных обезьянах. И тоска у них тоже будет серьезная, социально-критическая. Общеизвестный факт – роковая роль рассказа о грустной обезьяне в литературной судьбе Зощенко.

До сих пор поражает тон критики Жданова по поводу сатирического рассказа автора:

«в "Приключениях обезьяны", Зощенко привык глумиться над советским бытом, советскими порядками, советскими людьми, прикрывая это глумление маской пустопорожней развлекательности и никчёмной юмористики.

Если вы повнимательнее вчитаетесь и вдумаетесь в рассказ "Приключения обезьяны", то вы увидите, что Зощенко наделяет обезьяну ролью высшего судьи наших общественных порядков и заставляет читать нечто вроде морали советским людям. Обезьяна представлена как некое разумное начало, которой дано устанавливать оценки поведения людей. Изображение жизни советских людей, нарочито уродливое, карикатурное и пошлое, понадобилось Зощенко для того, чтобы вложить в уста обезьяне гаденькую, отравленную антисоветскую сентенцию насчет того, что в зоопарке жить лучше, чем на воле, и что в клетке легче дышится, чем среди советских людей».

Достойным ответом на обвинения советских критиков мы считаем стихотворение-песню, написанную в 1969 году бардом Александром Галичем. Произведение имеет посвящение «Памяти М.М. Зощенко».

Давайте прослушаем эту песню А.Галича:

<https://www.youtube.com/watch?v=G5SbuPaNHf8>

Здесь обезьяна-друг в своей тоске экзистенциально высока, так как тоскует она не сама по себе, а тоскует вместе с человеком-чудаком Галича, то есть с Михаилом Зощенко. Бард-интеллектуал Галич сумел скупыми штрихами изобразить всю глубину творческого одиночества писателя:

А Тамарка, в упор поглядев на шарманщика,
Приказала: «Играй, - человек в одиночестве».

И далее бессловесный диалог человека и обезьян, условность диалога подчеркивается дважды повторенным словом «словно»:

А чудака глядел на обезьянку,
Пальцами выстукивал морзянку,
Словно бы он звал ее на помощь,
Удивляясь своему бездомью,
Словно бы он спрашивал: «Запомнишь?»
И она кивала: «Да, запомню».

А далее вообще произошло чудесное, частное – стало общим:

Непонятное, чужое лихо –
Стало общим лихом почему-то!

Стало настолько общим, что притихли даже очень далекие от искусства и проблем чудака (который

«Был похож он на вдруг постаревшего мальчика.
За рассказ, напечатанный неким журнальчиком,
Толстомордый подонок с глазами обманщика
Объявил чудака – всенародно – обманщиком!»)

люди, простые люди из социальных низов:

Замолчали шлюхи с алкашами,
Только мухи крыльями шуршали...

И в финале обезьяна предстает как утешитель, который, однако, не способен унять человеческое горе:

И ушел чудака, не взявши сдачи,
Всем в шалмане пожелал удачи...
Вот какая странная эпоха:
Не горим в огне – и тонем в луже!
Обезьянке было очень плохо,
Человеку было много хуже!

Вот такова моя попытка реабилитации обезьяны в русской литературе XX века (это путь от Ивана Бунина к Александру Галичу, это путь русского гуманизма), это путь тоскующей обезьяны.

СТИШКИ ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
ИЗ ЦИКЛА «ДЕТКАМ НА ЗАМЕТКУ»

Поверьте, обезьяны - очень разные.
Одни способны подарить нам праздник.
Игрушки, мармозетки, уистити
Немного легкомысленны, простите,
Но их игривость вовсе не чревата
Бутылочкой с коктейлем и гранатой.

Зверьки игрушки - малые и милые.
Они не уживаются с мандрилами.
А также с гамадрилами-дебилами,
Тем паче с носачами-палачами.
Игрушки тихо, мирно спят ночами.
Совсем другое дело - бабуины:
Крутые звери поджигают шины,
Взрывают ЛЭП, по мирняку фигачат,
Как звери воют и как дети плачут,
При этом и друг друга кроют матом -
Чего с них взять? Приматы... гм... приматы...

При памяти, по трезвости, не спьяну
(уж лучше перебдеть, чем недобдеть),
Я заклинаю бога Ханумана
За свитою своею приглядеть.
А мы за приглядку дадим шоколадку,
Макаку - салаку,
Капуцину - рецину,
Мармозетке для памяти - комеди,
Ай-аю - личинку, геладе - тычинку
И каждому (каждому!) - градусник!
С наступающим! Мира и радости!

Всем нэнька хороша, но есть изъян -
В ней слишком много диких обезьян.

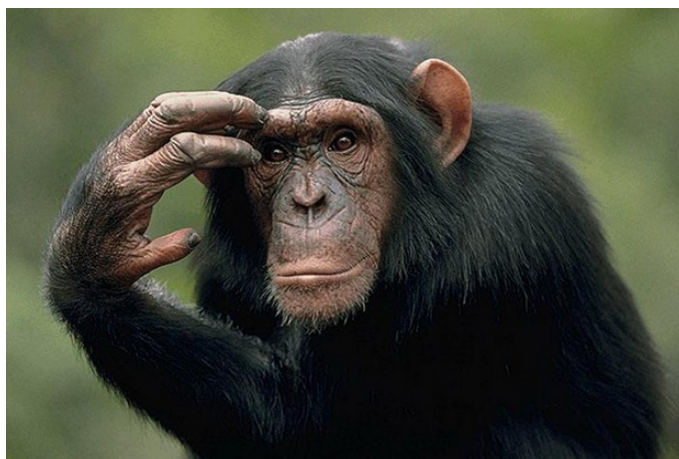

ИЗ ПРОТОКОЛОВ ЭКСПЕРИМЕНТА НОМО SAPIENS SAPIENS

Информация засекречена
Декабрь 2015

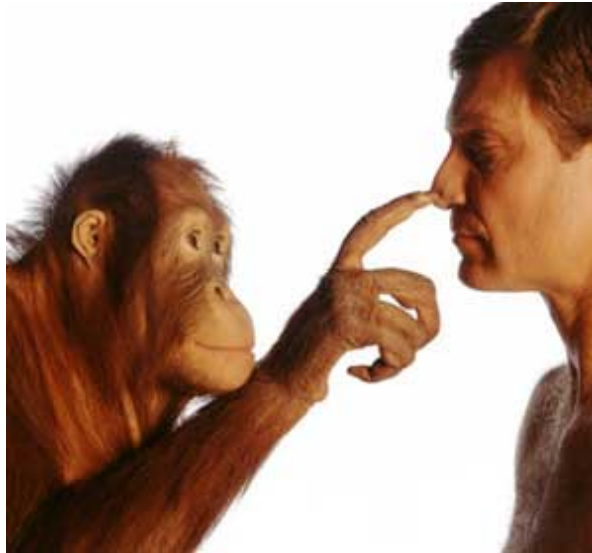
Обезьяна не эволюционирует.
Вокруг нее толпятся ученые,
Держат кто банан, кто гранату,
Кто сборник задач по алгебре.
Обезьяна глядит с презрением,
Продолжает не эволюционировать.

Ученые впадают в отчаяние,
Говорят обезьяне - Ну, миленькая!
Нам же нужно показывать данные,
Беречь репутацию Дарвина.
Над нами и так насмеются,
Говорят: «Ахаха, эволюция!»
А еще: «Ахаха, неудачники!»

Обезьяна говорит: - Отвалите.
Ну, куда вы предлагаете двигаться?
В этот ваш современный мир?
В эту засранную экологию,

Состояние войны и хаоса?
Ученые говорят: - Ну, чо ты?
Ну, немножко повоевали.
Подумаешь, с кем не бывает.
Ну чего ты сразу как эта.

Обезьяна им крутит кукиши,
И повыше залезает на дерево.

Доведенные до отчаяния
Они приносят телевизор и радио.
Два дня обезьяна молчит.
Смотрит европейские новости.

На третий - говорит по-немецки,
Пытается запретить компартию.
Ученые страшно пугаются,
Отключают каналы спутника,
Оставляют ей только местные.

Еще через день обезьяна
Объявляет их террористами,
Кричит про ганьбу и зраду,
Требуем карту Крыма.

Телевизор спешно уносят,
Ученых лишают премии.

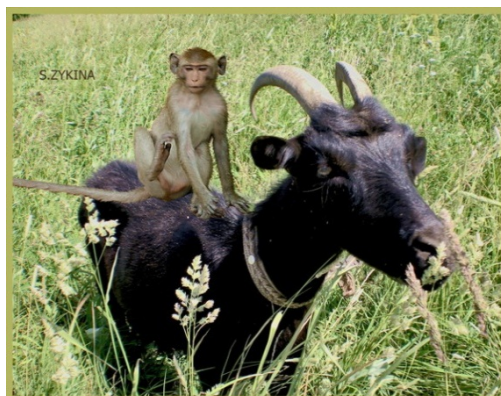

И тогда обезьяна выходит.
Говорит: -Пацаны, да ладно.
У нас целый год впереди,
Мы во всем еще преуспеем.
Давайте в 2016-м
Быть людьми чуть
больше и качественней.
И будет нам эволюция
Почище всякого Дарвина,
И радость будет, и музыка,

И, в общем-то, - с Наступающим! ☺

Прощайте, козлы и бараны!
Уходит 15-ый год!
Готовьте скорее бананы
(вариант «стаканы») -
Встречай обезьяну, народ!

Она проплыла океаны,
Добралась с далёких широт -
Разумна, красива, румяна
(это же год красной обезьяны) -
И самых толковых пород.

К нам счастье придет без изъяна,
Закружит любви хоровод!
И пусть, хоть она обезьяна,
Удачу с собой принесет!

Серьезно-смеховое издание

ОБЕЗЬЯНА В РУССКОЙ И МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Материалы международной застольной паранаучной
зодиакальной конференции (г. Донецк, 23 декабря 2015 года)

Редакционная коллегия: А. Кораблев, Л. Квашина, К. Першина
Верстка: Н. Гиюк

Подписано в печать 28.12.2015 г.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 3,55.
Тираж 100 экз. Заказ № 379.

ООО «Цифровая типография»
г. Донецк, ул. Челюскинцев, 291а